

РОССИЯ - ЕГИПЕТ: СОТРУДНИЧЕСТВО НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

МЕЖДУНАРОДНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

М.Л. БОГДАНОВ

Специальный представитель Президента РФ по Ближнему Востоку
Заместитель министра иностранных дел РФ

Ключевые слова: Россия, Египет, российско-египетский диалог

12-13 февраля 2014 г. в Москве проходил первый в истории российско-египетских связей совместный визит руководителей МИД и минобороны Египта для участия во второй встрече со своими российскими коллегами в формате «два плюс два» (первая такая встреча состоялась в Каире в ноябре 2013 г.).

Участники встречи были приняты президентом Российской Федерации В.В.Путиным. Говоря о значении состоявшихся переговоров с первым заместителем премьер-министра, министром обороны АРЕ Абдель-Фаттахом Сиси и министром иностранных дел Набилем Фахми, наш министр С.В.Лавров отметил обоюдное стремление Москвы и Каира к дальнейшему укреплению двусторонних отношений, базирующихся на прочном фундаменте дружбы и взаимовыгодного сотрудничества. При этом подчеркивалось, что за прошедшие десятилетия Россия и Египет не раз сообща находили совместные ответы на общие вызовы и угрозы, с которыми сталкивался регион Ближнего Востока и Северной Африки [1].

В свете такой констатации, на наш взгляд, было бы актуальным и полезным попытаться обобщить и систематизировать накоп-

ленный в период после распада СССР опыт осуществления в новых геополитических условиях нашего взаимодействия с Египтом по международной и региональной проблематике.

Со времен президентства Анвара Садата (1970-1981 гг. - *прим. ред.*) считалось, что Египет, безусловно, входит в сферу влияния США и в целом - Запада. Однако эта крупнейшая по населению арабская страна всегда стремилась играть роль региональной державы - лидера Ближнего Востока и Северной Африки. Учитывая эти амбиции, политика Каира нередко противоречила курсу США и Запада или не совпадала с ним. Это объективно открывало дополнительные возможности для внешнеполитического сотрудничества с СССР, а затем с Россией в интересах двух стран.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА ПОЛИТИКО- ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОСКВЫ И КАИРА В 1990-е - 2000-е гг.

К числу важнейших областей российско-египетского политического диалога, многоуровневых контактов и межмидовских консультаций практически постоянно выступали вопросы, формирующие региональную повестку: ближневосточное урегулирова-

ние (БВУ), межпалестинский дискурс, ситуация в Ираке и Ливане, суданская проблематика, положение вокруг Ирана и иранской ядерной программы (ИЯП), а в последнее время и сирийский кризис, переросший в острейшую международную проблему.

При этом именно с начала 2000-х гг. заметно возросла интенсивность российско-египетских контактов на высоком и высшем уровнях в интересах скоординированных действий по тем проблемам, где в этом имелась, по общему мнению, необходимость. Это касалось как процедурно-правовых аспектов - основ политико-дипломатических усилий по урегулированию актуальных региональных проблем, так и их сути - целеполагания, содержания намечаемых мер, определения имплементационного инструментария и т.д.

Министр иностранных дел С.В.Лавров в ходе пресс-конференции по итогам уже упомянутых переговоров в Москве министров иностранных дел и обороны России и Египта особо подчеркнул, что консультации и взаимодействие между РФ и АРЕ на международной арене по региональной проблематике тесно связаны с национальными интересами каждой из стран-партнеров в рамках двусторонних межгосударственных отношений. Именно поэтому Россия и Египет «догово-

Статья 2. Статью 1 см.: Азия и Африка сегодня. 2013, № 12.

рились о дальнейших путях выстраивания наших двусторонних отношений, включая созыв в ближайшее время Совместной Российско-Египетской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству (сессия Межправительственной комиссии уже состоялась в Москве в конце марта с.г. - *прим. авт.*), ускорение подготовки документов, которые придадут дополнительный импульс развитию нашего военного и военно-технического сотрудничества» [1].

СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ЛИГИ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ

Данное направление явилось результатом совместных усилий Каира и Москвы, открывшее новые перспективы и возможности повышения эффективности российской дипломатии в районе Ближнего Востока и Северной Африки (РБВСА). Из неарабских стран Россия была в числе первопроходцев, установивших с Лигой арабских государств (ЛАГ) отношения стратегического партнерства, что нашло отражение в Меморандуме о взаимопонимании между МИД России и генеральным секретариатом ЛАГ, подписанном в сентябре 2003 г.

Сотрудничество с ЛАГ и ее членами получило качественный импульс после визита президента В.В.Путина в Каир и посещения им штаб-квартиры организации в апреле 2005 г., в ходе которого он выдвинул инициативу об аккредитации при ЛАГ российского Посла в Египте. Страны-члены ЛАГ при активной поддержке египетского руководства приняли положительное решение по данному вопросу, и посол России в Египте в 2005 г. первым из иностранных представителей получил официальную аккредитацию при ЛАГ. Так, в беседе с автором этих строк министр иностранных дел Египта Ахмед Абуль-Гейт отмечал, что до того момента не было подобного прецедента, однако

в интересах общего дела мы его создадим [2].

Из тематики российско-египетских контактов и консультаций, проходивших в 2000-е гг. в рамках ЛАГ, особенно следует выделить два аспекта:

- региональная проблематика, представляющая значительный интерес для каждой из сторон, с целью содействия решению относящихся к региону Ближнего Востока и Северной Африки (РБВСА) вопросов;

- скоординированные усилия по сближению позиций других партнеров России и Египта по ближневосточной проблематике [3].

Встречи и беседы с арабскими постпредами при ЛАГ в рассматриваемый период свидетельствовали, что отношение в арабском мире в целом к России как партнеру в решении актуальных проблем стран РБВСА было позитивным, и это позволяло Москве более успешно проводить свой курс на ближневосточном направлении.

Показательно, что Ахмед Каттан, постпред Саудовской Аравии - одного из крупнейших и наиболее влиятельных ближневосточных государств, высоко оценивал встречу с президентом В.В.Путиным в штаб-квартире Лиги в 2005 г. «На всех нас, - отмечал А.Каттан в беседе с автором этой статьи, - глубокое впечатление произвели дружественное отношение и внимание Президента России к арабскому миру, его содержательное выступление по наиболее актуальным проблемам региона».

Высказывания российского лидера по тематике БВУ, Сирии, Ирака были восприняты в Каире и других арабских столицах как объективные и взвешенные, созвучные подходам самих арабов, выступающих за соблюдение норм международной законности и права при урегулировании конфликтных ситуаций на Ближнем Востоке. Посещение ЛАГ первым лицом российского государства явилось убедительным свидетельством

стремления Москвы развивать и углублять связи с арабскими государствами, вносить свой вклад в обеспечение мира, безопасности и стабильности в этом геополитически важном районе [4].

Регулярные консультации и активный делегационный обмен давали основания утверждать, что и в египетском руководстве, и в ЛАГ в целом укреплялась заинтересованность в продолжении координации с Россией по ключевым региональным вопросам. Египетские партнеры подчеркивали исключительную важность взаимодействия с Россией по БВУ, включая работу с Израилем, палестинцами и Сирией. В МИД АРЕ и Генсекретариате ЛАГ неизменно и живо интересовались нашими оценками деятельности международного «квартета» по БВУ, стремились к наращиванию с нами взаимных усилий на данном, исключительно важном для Египта направлении, исходя из того, что «позиция Москвы наиболее близка Каиру» [5].

Тесно соприкасались и пересекались такие темы российско-египетских консультаций, представлявшие особый интерес и для ЛАГ, как положение в Чечне, диалог цивилизаций, сотрудничество в культурной, научно-технической областях и т.д. При этом учитывалось, что эти же темы были предметом активного обсуждения и принятия решений в рамках Организации исламского сотрудничества (ОИС), объединяющей 57 мусульманских стран с населением 1,2 млрд человек. В этой связи следует отметить, что Президент АРЕ Х.Мубарак энергично поддержал инициативу президента В.В.Путина о присоединении России к деятельности ОИС в качестве наблюдателя, выдвинутую им в августе 2003 г. во время визита в Малайзию.

БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ

Проблематика БВУ, несомненно, являлась одной из цент-

ральных тем российско-египетских контактов на всем протяжении рассматриваемого периода. При этом в Каире исходили из понимания, что Россия традиционно играет одну из ключевых ролей в ближневосточных делах, была наряду с США коспонсором Мадридской конференции 1991 г., а затем стала участником «квартета» вместе с США, Евросоюзом и ООН.

С середины 1990-х гг., и в особенности после теракта 11 сентября 2001 г., ситуация в регионе Ближнего Востока и Северной Африки существенно усложнилась, подверглись заметной эрозии достигнутые после Мадрида и Осло договоренности и наработки в контексте БВУ, в первую очередь на палестинском треке.

Оценки Египта как ведущей арабской страны сложившейся в БВУ ситуации были особенно тревожны и во многом созвучны российским. Каир высказывал опасения, суть которых сводилась к тому, что А.Шарон после израильского одностороннего ухода из сектора Газа попытается заморозить мирный процесс на неопределенный срок. Заявляя на словах о готовности выполнять «дорожную карту», инициированную «квартетом» и затвержденную резолюцией 1515 СБ ООН, израильский премьер выдвинул такие условия, которые сделали реализацию этого документа заведомо невозможной в такой ситуации. Нужны были, по нашим общим оценкам с египтянами, дополнительные международные усилия по обеспечению позитивной динамики процесса БВУ. В этой связи Каир одобрительно воспринял выдвинутое осенью 2005 г. российское предложение о проведении в Москве международной встречи по Ближнему Востоку. При этом, как отмечали египтяне, такой документ следовало тщательно подготовить через дальнейшие контакты со всеми заинтересованными сторонами [6].

Одновременно в Москве и Каире росла озабоченность положе-

нием на палестинских территориях, и делался акцент на необходимости достижения межпалестинского согласия относительно программы действий на предстоящий период.

При этом поддерживались усилия главы Палестинской национальной администрации (ПНА) М.Аббаса добиться примирения ФАТХ и ХАМАС на платформе ООП и интегрировать исламистов в структуры ПНА [7].

Российская сторона неизменно приветствовала проводимые в Каире под египетской эгидой межпалестинские встречи, нацеленные на преодоление раскола среди палестинских движений, действующих в Газе и на Западном берегу реки Иордан (ЗБРИ).

Руководство АРЕ постоянно и настойчиво подчеркивало, что тупик в палестино-израильском переговорном процессе создает весьма серьезные проблемы, в т.ч. и для национальной безопасности самого Египта. Возросло число беженцев с палестинских территорий, усилилась критика на египетской «улице» в отношении властей за «соглашательскую» политику Каира в отношении Израиля в условиях его игнорирования законных требований палестинцев, в особенности о снятии блокады Газы и прекращения строительства поселений на Западном берегу, включая Восточный Иерусалим.

Стремясь разблокировать переговорный процесс, египтяне не отвергали ни одну инициативу, которая могла принести хотя бы ограниченный позитивный результат. Это, в частности, касалось и международной встречи в Аннаполисе (2007 г.), инициатором которой выступил Вашингтон. Скептически оценивая результативность этого форума, египтяне были убеждены, что мероприятие в Аннаполисе необходимо провести при любых обстоятельствах, даже если в оставшееся до него время не удастся выйти на субстантивный итоговый документ. Главное - запустить ока-

завшийся в тупике палестино-израильский диалог, иначе, по оценке Каира, подобная возможность в обозримой перспективе уже не представится, а общая региональная ситуация еще больше деградирует, станет неуправляемой и катастрофически опасной не только в региональном, но и глобальном измерениях.

Египтяне активно интересовались российской позицией, полагая важным добиваться объявления в Аннаполисе о начале прямых палестино-израильских переговоров по окончательному статусу на общепринятой международно-правовой базе. В Каире рассчитывали также и на усиление воздействия американцев на позицию Израиля, полагая, что президент Дж.Буш-младший действительно был серьезно настроен на обеспечение реального сдвига в БВУ до окончания срока полномочий республиканской администрации США [8].

С ролью США в Каире связывали и возможность нахождения развязки по вопросу о временных параметрах достижения договоренностей между палестинцами и израильтянами. Обмен оценками между Каиром и Москвой на этот счет позволил прийти к общему мнению: через три-четыре месяца после Аннаполиса нужно собрать международную встречу в Москве для оценки продвижения переговоров, на которой можно было бы условиться и о проведении в дальнейшем полномасштабной международной конференции для одобрения эвентуального мирного соглашения.

Кроме того, в Каире высказывались за скорейшее создание под эгидой международного «квартета» мониторингового механизма, призванного выносить беспристрастный вердикт о переговорной позиции каждой из сторон, а впоследствии и о ходе реализации соглашения об окончательном статусе. Нацеливаясь на необходимость двигаться к всеобъемлющему БВУ, что совпадало с российскими подходами, Каир

подчеркивал, что было бы неплохо уже в Аннаполисе дать достаточно ясный сигнал о реальной перспективе реанимации многосторонних переговорных треков, на которых шла работа после Мадридской конференции.

Проблема, полагали в Каире, в американцах и израильтянах, они пока не хотят давать каких-либо «бонусов» Дамаску. Вместе с тем, К.Райс в контактах с египтянами пояснила, что в принципе любая делегация в Аннаполисе свободна поднять различные интересующие темы, включая проблему Голанских высот. По мнению египетской стороны, сохранялась возможность подвигнуть Вашингтон и на более благоприятные позиции по данному вопросу [9]. Это расширило бы возможность участия сирийцев в международной встрече, а она, как считали в Каире, весьма необходима. Ситуация могла бы разрядиться и даже открыть перспективы для начала серьезных сирийско-израильских переговоров в том случае, если бы Дамаск отказался в тот момент от идеи организации форума палестинских оппозиционеров и «не вставлял палки в колеса» по другой проблеме, имеющей внутривосточное и региональное звучание - избранию ливанского президента [10].

Однако ситуация стала проясняться лишь в ходе самой встречи в Аннаполисе, которая, как оказалось, не воспрепятствовала дальнейшему сползанию к тупиковой ситуации в переговорном процессе, и этому в немалой степени способствовали как возобновление поселенческой политики Израиля, так и теракты палестинских экстремистов против гражданского населения этой страны.

Вместе с тем, несмотря на неудачу Аннаполиса и других попыток продвижения БВУ, принципиальные скоординированные позиции Москвы и Каира не подвергались конъюнктурным переменам и основывались на общей убежденности, что разумной альтер-

нативы переговорному мирному процессу нет и быть не может.

Это еще раз было подчеркнуто в Совместном заявлении по итогам российско-египетской встречи в формате «два-плюс-два» в Москве в феврале 2014 г. В нем говорится, что уход Израиля с оккупированных территорий в пределах линий 1967 г., включая Восточный Иерусалим, и создание территориально целостного, жизнеспособного и суверенного палестинского государства имеет огромное значение, будет способствовать укреплению безопасности в регионе, ликвидирует серьезный источник нестабильности и создаст благоприятные условия для развития, благополучия и взаимодействия между народами. Подчеркнуто, что задача урегулирования арабо-израильского конфликта не может отесняться на задний план какими-либо другими процессами, происходящими в регионе. Подтверждена решимость России и Египта добиваться достижения всеобъемлющего, справедливого и прочного урегулирования этого конфликта на международно признанной основе, включая резолюции 242 и 338 СБ ООН, Мадридские принципы, «дорожную карту», Арабскую мирную инициативу [1].

ВОКРУГ ИРАКА

Отношения с Багдадом со времен иракского вторжения в Кувейт (август 1990 г.), а затем американской оккупации самого Ирака, находились среди важнейших вопросов в региональной повестке российско-египетского политического диалога.

В Каире почти весь период после ввода в марте 2003 г. сил международной коалиции в Ирак преобладал глубокий скепсис в отношении возможности реальной стабилизации в этой стране. Правительство в Багдаде, по мнению египтян, было неспособно начать реальный процесс достижения национального согласия. Египтянами остро ощущалось не-

благополучие в Ираке - одной из ключевых стран РБВСА, переживавшей последствия кувейтской авантюры, тяжелое наследие длительного правления диктаторского режима. В Ираке накопился огромный конфликтогенный потенциал, обострились внутрииракские конфликты, вспыхнувшие после падения С.Хусейна и завершения активной стадии военной кампании международной коалиции.

Актуальность российско-египетских контактов по «иракской проблеме» определялась совокупностью факторов - особыми экономическими связями СССР/РФ и АРЕ с Ираком, геополитическим значением этой страны. Она проявилась с особой значимостью после захвата и убийства в Багдаде в 2006 г. пятерых сотрудников российского посольства. В этой ситуации египтяне подчеркивали, что АРЕ готова оказать нам любую помощь. При этом, сославшись на убийство египетского посла в Багдаде, в Каире была высказана версия о том, что атаки на иностранные посольства и их сотрудников направлены на недопущение международного признания и легитимизации новых иракских властей [11].

Каир предупреждал, прежде всего американцев, о крайне опасных последствиях силового иностранного вмешательства внешне и оценивал ситуацию в Ираке критически, отмечая, что в АРЕ «не видят света в конце тоннеля». В частности, подчеркивалось, что при всех преступлениях диктаторского режима С.Хусейна «тогда в стране были стабильность и порядок, а в постсадамовскую эпоху наступил хаос, и, по сути, началась гражданская война, уносящая ежедневно десятки и сотни невинных жертв». В ходе российско-египетских консультаций Москва и Каир руководствовались, главным образом, поиском консолидированных действий, направленных на прекращение кровопролития, терактов, преодоление вооруженного противо-

стояния, поиск прочного национального согласия.

В Египте возлагали определенные надежды на запланированную в июле-августе 2004 г. в Багдаде общеиракскую конференцию по национальному согласию, но считали, что если она завершится безрезультатно, это будет еще худшим исходом, чем перенос или отмена данного мероприятия [12].

В целом, Каир и Москва в практическом плане придерживались подхода к развязке «иракского узла» путем координации усилий мирового сообщества, направленных на политическое решение внутрииракских проблем без вмешательства извне, на основе широкого консенсуса между различными социально-политическими силами и этноконфессиональными группами.

В ходе подготовки и проведения Брюссельской конференции по Ираку (2005 г.) российский и египетский подходы основывались на следующих постулатах: признание важности включения в согласованные международным сообществом документы положения о необходимости национального примирения в Ираке через широкий политический диалог; формирование по итогам Брюссельской конференции механизма сопровождения политического переговорного процесса с российским участием; признание того, что формулировки, касающиеся сил международной коалиции, должны полностью соответствовать решениям СБ ООН. Эти подходы встретили понимание со стороны участников международной конференции и были учтены в итоговом документе. Это произошло во многом благодаря согласованным действиям и настойчивости Каира, добивавшегося включения России в состав подготовительной группы и участников конференции [13].

В целом, российско-египетские консультации, скоординированные усилия по иракской проблеме способствовали форми-

рованию позитивных тенденций в развитии внутрииракской ситуации, которые последнее время закрепили надежду на стабилизацию в Ираке и реальное продвижение взаимовыгодного сотрудничества с Багдадом в различных областях.

ВОКРУГ СИРИИ

Сирийская проблематика, являясь одной из ключевых в «региональной повестке», постоянно находилась в фокусе консультаций между Москвой и Каиром.

В руководстве АРЕ в отношении развития ситуации в Сирии и вокруг нее, особенно в Ливане, с учетом исторических сирийско-ливанских связей преобладали крайне тревожные ожидания.

В Каире опасались, что произошедшее по решению Совета Безопасности ООН расследование обстоятельств теракта, в результате которого 14 февраля 2005 г. погиб бывший премьер-министр Ливана Рафик Харири, в конечном итоге могло бы послужить основанием для раскрутки международной антисирийской кампании. Вырисовывались перспективы принятия против Дамаска жестких мер, включая целый набор политико-дипломатических, экономических и иных санкций, а также задействование специального международного трибунала для вынесения приговора в отношении лиц, виновных в убийстве Р.Харири, невзирая на их положение (по постпреду США при ООН Дж.Болтону, «даже если это окажется сам Б.Асад») [14].

В то же время, как считали в Каире, у таких стран, как Россия, Китай, Алжир, в меньшей степени Франция с учетом особенностей ее подхода к ситуации вокруг Сирии, есть потенциал, чтобы оказать сдерживающее влияние на инициаторов репрессалий в отношении Дамаска. Что касается собственного расследования убийства Р.Харири и еще целого ряда

ливанских общественно-политических деятелей, то в Каире считали целесообразным делать упор на следующих трех моментах.

Во-первых, необходимо дать международному сообществу, в т.ч. СБ ООН, возможность спокойно, без ажиотажа довести работу до конца, разобраться в подоплеке преступлений и выявить всех виновных. При этом необходимо избежать политизации расследования, поскольку убийство бывшего ливанского премьера могло быть совершено и из-за столкновения финансовых интересов или же по причине личной неприязни.

Во-вторых, весомый аргумент против введения санкций в отношении Сирии виделся в том, что нельзя вину отдельных лиц, пусть даже высокопоставленных, перекладывать на плечи всего сирийского народа. В этом контексте в Каире считали полезным использовать ссылку на то, что даже сами «пострадавшие», в числе которых - сын покойного премьера Саад Харири, а также лидер ливанских друзей Валид Джумблат, отец которого Камаль Джумблат был убит в 1977 г., и другие оппоненты режима Б.Асада, категорически отвергали идею введения санкций против «братского сирийского народа». Словом, мнение упомянутых ливанских политиков должно было обязательно приниматься в расчет.

Наконец, третий «стержневой» элемент подхода, который следовало активно задействовать, заключался в том, что при любых обстоятельствах, которые вскроются в ходе расследования, надо любой ценой не допустить дестабилизации обстановки в Сирии. Эта дестабилизация может привести к серьезным военно-политическим потрясениям в соседних странах - Ливане, Ираке, на палестинских территориях, в целом в регионе, что самым непосредственным образом затронет национальные интересы Египта.

При обсуждении ситуации вокруг Сирии и Ливана египтяне с

беспокойством отмечали, что США продолжали наращивать нажим на Дамаск, рассчитывая на смещение режима Б.Асада. Они не исключали в САР эвентуального повторения «иракского сценария». В складывающихся условиях египтяне настойчиво советовали сирийцам проявлять максимальную гибкость, не допускать вмешательства Дамаска во внутривосточные дела, особенно на весьма деликатном этапе подготовки к парламентским выборам в стране, намеченных именно на это время.

В Каире соглашались с доводами Москвы относительно необходимости вести целенаправленную работу с Вашингтоном и Парижем, дополнительно задействуя поддержку ключевых арабских стран. В этой связи египтяне предприняли соответствующие шаги, которые могли бы придать устойчивость дальнейшему развитию Ливана и не допустить обвала ситуации, чреватой разрушительными последствиями для ближневосточного мирного процесса [15].

В 2000-х сближение Дамаска с Тегераном, к которому у международного сообщества возникли известные претензии, прежде всего по иранской ядерной программе (ИЯП), побуждало Каир на комплексные попытки, направленные на «возврат» Сирии к общерабской линии по основным аспектам БВУ, поддержке коллективных решений Лиги арабских государств, отказа от опоры на силовые методы решения внутривосточных проблем. В Каире считали, что в сложившихся региональных условиях формирование «шиитской оси» Дамаск-Тегеран-«Хезболла» - не в интересах сирийцев. Это, по оценке Каира, привело к изоляции Сирии в арабском мире: государства, прежде всего зоны Персидского залива, «отвернулись» от сирийцев [16].

ЛИВАНСКИЙ «УЗЕЛ»

Каир и Москва полагали, что положение в Ливане и вокруг не-

го будет во многом определять процесс продвижения БВУ, ситуацию в регионе в целом, отношение международного сообщества к Дамаску.

Египтяне в первом десятилетии 2000-х, как и прежде, проявляли крайнюю обеспокоенность развитием ситуации на внутривосточной арене. Тем не менее, в Каире считали, что шансы на постепенную развязку «восточного узла», несмотря на все имеющиеся и вновь возникающие сложности, сохраняются.

Именно поэтому Каир нередко делегировал в Бейрут высокопоставленных представителей МИД Египта для проведения контактов со всеми ливанскими ведущими политическими и религиозными лидерами с целью прояснения наиболее актуальных вопросов: об избрании президента, расследовании обстоятельств «дела Харири», роли Дамаска во внутривосточных событиях и т.д. [17].

В этой связи показательны позиции и оценки египтянами основных акторов на ливанской политической сцене. Следует отметить, что, как и мы, Египет и ЛАГ выступали за то, чтобы глава ливанского государства избирался в соответствии с апробированной многолетней практикой на консенсусной основе, в наиболее полной мере отражавшей интересы ключевых социально-политических и конфессиональных сил Ливана.

В Каире с удовлетворением подчеркивали, что на аналогичные позиции «вышел» и Париж, влияние которого в Ливане исторически было весомым. К сожалению, отмечали египтяне, вразрез с таким подходом пролегла линия Вашингтона, пытавшегося, по оценке египтян, удерживать парламентское большинство С.Харири от достижения компромисса с просирийской оппозицией [17].

При этом в Каире исходили из того, что чем дольше затянется согласование консенсуса, тем больше будет возрастать опас-

ность внутривосточных конфликтов. Отсюда и активная работа египтян с руководством ливанской армии в интересах укрепления позиций вооруженных сил в качестве общенационального гаранта обеспечения стабильности в стране.

Сирийско-ливанская проблематика, находясь в центре внимания общественно-политических кругов арабского мира, являлась традиционно одной из ключевых тем обсуждения в ЛАГ с участием российских представителей. Практически все участники таких дискуссий выступали в пользу сохранения единства и территориальной целостности Ливана, подтверждая стремление своих стран предотвратить его дестабилизацию. При этом никто не ставил под сомнение необходимость полного вывода сирийских войск из Ливана: на этом настаивали и египтяне, и иорданцы, и саудовцы [17]. Одновременно звучали высказывания в пользу предоставления Дамаску «арабского зонтика» с тем, чтобы Сирия вышла из непростой ситуации с достоинством, «сохранив лицо». Министры иностранных дел арабских государств, напоминая о той позитивной роли, которую Дамаск сыграл в деле прекращения гражданской войны в Ливане, разделяли мнение, что основой для нормализации сирийско-ливанских отношений должно стать выполнение Таифского соглашения* [17].

МЕЖАРАБСКИЙ АСПЕКТ

Российско-египетский диалог по региональной проблематике в значительной мере был посвящен растущим расхождениям между арабскими странами в оценке ситуации на Ближнем Востоке.

* Таифское соглашение 1989 г. положило конец продолжавшейся с 1975 г. гражданской войне в Ливане, сопровождавшейся многочисленными жертвами и огромными материальными потерями. В результате этого соглашения резко усилилось влияние Дамаска и роль мусульманской общины во властных структурах Ливана.

Военные действия Израиля в Ливане в 2006 г. серьезно осложнили и без того непростые отношения в арабском мире. Экстренные совещания мининдел стран - членов ЛАГ по Ливану были отмечены острыми внутренними разногласиями, которые параллельно оказали негативное воздействие на единство палестинских рядов и перспективы проведения в том или ином формате международной конференции по Ближнему Востоку.

В Каире весьма критически оценивали поддержку со стороны Дамаска «провокационных» акций «Хезболлы» и призывали к «нейтрализации деструктивного вмешательства Ирана в дела региона, включая Ирак, Ливан и Палестину». В египетском руководстве не видели возможности проведения с участием Б.Асада внеочередного арабского саммита, в т.ч. для рассмотрения вопроса подготовки конференции по БВУ, даже при том понимании, что позиция Сирии, с учетом ее реального влияния на ливанских и палестинских радикалов, представлялась для Каира немало важной для консолидации подходов ЛАГ к разблокированию арабо-израильского урегулирования, в соответствии с положениями Арабской мирной инициативы, принятой в Бейруте в 2002 г.

ЕГИПЕТ И ЗАПАД

Следуя одному из основополагающих принципов своей внешней политики, Каир стремился сохранять баланс в отношениях с ведущими мировыми державами.

На консультациях с Москвой египтяне не скрывали обеспокоенности некоторыми шагами по реализации Евросоюзом своей политики соседства и партнерства, в которую включен и целый ряд государств Северной Африки и Ближнего Востока. Согласование плана действий в рамках такого «соседства» далось египтя-

нам «очень тяжело». С настороженностью они отнеслись и к попыткам ЕС «подтянуть под стандарт соседства» другие средиземноморские механизмы: в этом усматривалась опасность ослабления роли Египта как регионального лидера, стремление превратить его в «младшего партнера» [18].

Тем не менее, египтяне считали важным сохранение и расширение Барселонского процесса как одного из каналов многостороннего взаимодействия стран региона с ЕС, других сложившихся региональных форматов взаимодействия с участием Евросоюза. Однако при этом подчеркивалось, что отношение к НАТО в Каире - традиционно сдержанное [19].

Египетские оценки в отношении целей и задач НАТО были близки к российским или совпадали. В частности, Каир тревожила направленность процесса трансформации НАТО: не станет ли эта организация «глобальным полицейским», будет ли Североатлантический альянс опираться на нормы международного права и действовать только на основе резолюций Совета Безопасности ООН. В Каире давали понять, что там бы предпочли усиление военной составляющей ООН, а не превращение НАТО в «военное подразделение» этой организации. При этом свои соображения египтяне проецировали на ближневосточный регион, прямо отмечая, что не заинтересованы в какой-либо роли НАТО в БВУ, включая египетско-израильское направление [19].

Сдержанное отношение Каира к НАТО сказывалось и на оперативном сотрудничестве. Египтяне подчеркивали, что будут пытаться уходить от реализации натовских инициатив по повышению совместимости вооруженных сил, организации в регионе совместных подготовительных центров, участия в совместных мероприятиях до тех пор, пока не появятся более четкие политиче-

ские основы для взаимодействия.

Очевидно, что на отношения египтян с НАТО влияли политика Брюсселя по сближению с Израилем, не преодоленное в ходе всей предшествующей истории негативное отношение общественного мнения в Египте как к НАТО в целом, так и к некоторым ее членам, сложившееся еще в 1950-е гг.

При этом в Каире с интересом следили за развитием диалога между Россией и НАТО, с пониманием воспринимая оценки российской стороны факторов, препятствующих сотрудничеству: расширение НАТО и приближение ее военной инфраструктуры к границам России, нератификация ДОВСЕ и т.д.

Схожие оценки звучали и относительно возможных последствий планов США по размещению элементов ПРО в Европе. По мнению Каира, реализация таких американских проектов могла бы создать угрозу глобальной и региональной стабильности и помешать наращиванию усилий по укреплению режимов нераспространения. Египтян также тревожило, что, начав «прикрывать» страны НАТО, Вашингтон может пойти и дальше, закрывая «противоракетным щитом» и всех других союзников США, включая Израиль, что ослабит геостратегические позиции Египта и нарушит сложившийся баланс на Ближнем Востоке.

Что касается ОБСЕ, то египтяне были согласны с российской позицией, заключающейся в том, что попытки проецировать ценности ОБСЕ на другие регионы мира - контрпродуктивны. В своих отношениях с Европой египтяне намерены были сопротивляться попыткам механически переносить западные стандарты на ближневосточную почву. Вместе с тем, в Каире полагали, что работы ОБСЕ в области контроля над вооружениями и по мерам доверия могут быть в принципе востребованы и на Ближнем Востоке, но сугубо в региональном пре-

ломлении и при условии, что будут найдены взаимоприемлемые развязки по главным существующим здесь проблемам [20].

В целом, подходы Каира к сотрудничеству «на западном направлении» характеризовались «гибкой» последовательностью. Это проявилось и в позиции, и в оценках египетского руководства относительно идеи проведения саммита Союза для Средиземноморья (СДС)* по проблематике ближневосточного урегулирования - т.н. инициатива Н.Саркози от 2008 г.

Париж в контактах с Каиром периодически предлагал форсировать реализацию идеи о проведении во Франции многосторонней встречи с целью разблокировать процесс БВУ. При этом французская сторона стремилась заручиться согласием Каира на созыв такой многосторонней встречи в рамках СДС, в котором Египет наряду с Францией являлся сопредседателем. Правда, Париж оговаривался, что подобный форум мог бы состояться при условии замораживания правительством Израиля поселенческой активности и начала субстантивного двустороннего диалога между израильтянами и палестинцами.

Египтяне не отвергали с порога заходы президента Франции, но воздерживались от собственных заявлений, а тем более практических шагов в поддержку его инициативы.

По оценкам, звучавшим в Каире, инициатива по проведению саммита СДС представлялась «спонтанной, непроработанной и преждевременной». Кроме того, формат СДС, по мнению египтян, «по определению» не вполне пригоден для серьезного рассмотрения и принятия решений по про-

блематике БВУ в силу отсутствия в нем ведущих мировых игроков - США и России. Одновременно египтяне не без оснований полагали, что будет исключительно сложно убедить Дамаск и Бейрут вступить в конструктивную дискуссию с Израилем, тем более в рамках СДС [21].

Таким образом, по основным вопросам сотрудничества в международных рамках по БВУ и партнерства с НАТО, ЕС, ОБСЕ и т.д. подходы Москвы и Каира совпадали или были близки. Такое положение стабильно сохранялось на протяжении последнего десятилетия XX в. - первого десятилетия XXI в.

РОССИЯ, ЕГИПЕТ И АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ**

Африканское направление внешней политики как для России, так и для Египта является одним из приоритетных в силу особой геополитической важности Черного континента. Африка располагает уникальными запасами ископаемых и обширными агроклиматическими ресурсами, человеческим потенциалом, представляющими особую ценность и интерес для всего современного мира. Россию связывают давние исторические общественно-политические, гуманитарные и деловые связи с народами и странами Африки.

В свою очередь, Египет входит в число «тяжеловесов» Африканского континента, традиционно играющий роль одного из лидеров многочисленной группы арабо-африканских стран. Жизненно важное значение для 90-миллионного Египта имеют воды Нила, в бассейне которого расположена группа африканских госу-

дарств, с которыми Каир должен поддерживать добрососедские отношения. Эти и многие другие факторы - гуманитарные, экономические, политические - формируют обширную «площадку» для представляющих взаимный интерес российско-египетских консультаций по африканской проблематике.

В повестке дня диалога Москвы и Каира регулярно вносятся вопросы миротворчества в Африке с целью профилактики и ликвидации многочисленных конфликтов на континенте, международного регулирования ресурсопользования, охраны окружающей среды, экономического сотрудничества, в т.ч. по линии БРИКС-Африка, оказания экономической, гуманитарной помощи африканским странам, страдающим от рецидивов насилия, губительных засух. Российско-египетские консультации охватывают также проблемы, связанные с реформой ООН, африканским представительством в Совете Безопасности, с повышением эффективности деятельности Африканского Союза, предотвращением морского пиратства, противодействием наркоторговле, незаконному обороту оружия и т.д. При этом в Каире приветствуют позитивную динамику в развитии партнерства России с АС в целом по широкому кругу африканской проблематики.

* * *

Разумеется, скоординированных или объединенных усилий только Москвы и Каира было недостаточно для реализации сложнейших глобальных и региональных задач, включая БВУ, где требовались консолидированные действия всего мирового сообщества, но, тем не менее, российско-египетское политическое сотрудничество на рубеже XXI в. оказывало позитивное влияние на международный климат в интересах продвижения к общим целям, в соответствии с принципами и решениями ООН.

* Союз для Средиземноморья (СДС) учрежден в 2008 г. Его участниками стали страны Средиземноморья и ряд государств ЕС: всего 43 страны, а также ЛАГ. СДС сформирован как продолжение Барселонского процесса с целью углубления интеграционных связей в регионе.

** Африканский Союз (АС) объединяет все страны (54) Африканского континента за исключением Марокко, покинувшей в 1984 г. Организацию африканского единства (ОАЕ) в знак протеста против приема в состав ОАЕ т.н. Сахарской Арабской Демократической Республики - САДР. В июле 2011 г. в АС принята Республика Южный Судан.

1. Совместное заявление по итогам российско-египетской встречи в формате «2+2». Москва, 12-13 февраля 2014 г. // Официальный сайт МИД РФ, 13.02.2014; Выступление и ответы по вопросам СМИ министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам совместных переговоров министров иностранных дел и обороны России и Египта. Москва, 13 февраля 2014 г. // Официальный сайт МИД РФ, 13.02.2014.

2. О встрече президента России В.В.Путина с генеральным секретарем ЛАГ А.Мусой и постоянными представителями стран - членов ЛАГ. Каир, 27.04.2005 // Официальный сайт МИД РФ. 28.04.2005; Россия - Египет: комплексное партнерство // ИТАР-ТАСС. Компас, ноябрь 2006, № 45. Из архива автора. 2008 г.

3. Россия - Египет: комплексное партнерство // ИТАР-ТАСС. Компас, ноябрь 2006, № 45.

4. Беседа с постпредом Саудовской Аравии при ЛАГ Ахмедом Катаном, май 2005. Из архива автора.

5. Беседа с зам. министра иностранных дел Египта Салихом Шукри, апрель 2005. Из архива автора.

6. Тезисы выступления министра иностранных дел С.В.Лаврова на первом министерском заседании стратегического диалога Россия - Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Абу-Даби, 1.11.2011 // Официальный сайт МИД РФ, 2.11.2011; Беседа с постпредом Кувейта при ЛАГ Ахмедом Кулейбом, август 2005 г. Из архива автора.

7. Беседы с О.Сулейманом, заместителями минидел АРЕ Вафой Басим и Фатмой Итман, июнь 2007 г. Из архива автора.

8. Беседы с председателем Комитета по арабским и международным делам и национальной безопасности Консультативного совета АРЕ Мухаммедом Басьюни, март 2005 г. и январь 2009 г. Из архива автора.

9. Беседы с министром иностранных дел АРЕ Ахмедом Абуль-Гейтом и послом Палестины в Каире Мунзером Джаджани, октябрь 2010 г. Из архива автора.

10. Беседы с председателем Комитета по международным арабским делам и национальной безопасности Консуль-

тативного совета АРЕ Мухаммедом Басьюни и членом Политсекретариата Национально-демократической партии Ибрагимом Кямелем, октябрь 2005 г. Из архива автора.

11. Беседа с постпредом Ирака при ЛАГ Раадом Аллуси. Ноябрь 2006 г. Из архива автора.

12. Беседа с генсекретарем ЛАГ Амром Мусой, декабрь 2006 г. Из архива автора.

13. ria.ru/world/200050622/40743961.html; ria.ru/trend/conference_Iraq_Brussels_220605/; Шелест А. Международная конференция по Ираку в Брюсселе - www.iimes.ru/?p=3725

14. Ресурсы Интернета; из архива автора, 2008 г.

15. Беседа с министром иностранных дел АРЕ Ахмедом Абуль-Гейтом, май, 2005. - Из архива автора.

16. Беседа с председателем Комитета по международным арабским делам и национальной безопасности Консультативного совета АРЕ Мухаммедом Басьюни, август 2006 г. - Из архива автора.

17. Беседы с Председателем Народного собрания АРЕ Фатхи Суруром, Генсекретарем Лиги арабских государств Амром Мусой, министром иностранных дел АРЕ Ахмедом Абуль-Гейтом, Председателем Комитета по международным и арабским делам и национальной безопасности Консультативного совета АРЕ Мухаммедом Басьюни, март 2005 г. Из архива автора.

18. Беседы с заместителем министра иностранных дел АРЕ Фатмой Итман и министром иностранных дел АРЕ Абуль-Гейтом, апрель 2007 г. Из архива автора.

19. Беседа с зам. заместителя министра иностранных дел АРЕ Ихабом Насром, сентябрь 2009 г. Из архива автора.

20. Беседы с зам. министра иностранных дел АРЕ Фатмой Итман и министром иностранных дел АРЕ Ахмедом Абуль-Гейтом, апрель 2007 г. Из архива автора.

21. Беседа с зам. заместителя министра иностранных дел АРЕ Ихабом Насром, сентябрь, 2009 г. .; см. также: *Mossi Raz*. The role of Russia and the European Union in the Middle East. Why should Europe and Russia have a role in the Middle East // Проблемы и перспективы урегулирования на Ближнем Востоке - Центр стратегических и политических исследований, ИВ РАН. 2010. С. 160-167.

Э.В. МОЛОДЯКОВА

Доктор исторических наук
Зам. директора ИВ РАН

КОНСТИТУЦИЯ ЯПОНИИ: ЗАПУЩЕН МЕХАНИЗМ ПЕРЕСМОТРА?

Ключевые слова: Япония, пересмотр Конституции 1947 г., 9-я «мирная» статья, возрождение милитаризма, премьер-министр С.Абэ

Проблема пересмотра японской Конституции 1947 г., которая действует без единой поправки по настоящее время, всегда существовала в обществе. Однако с начала 2000-х гг. дискуссии о характере пересмотра Основного закона становятся все более напряженными и сопровождаются конкретными действиями, которые способствуют переводу их в практическую плоскость. По некоторым параметрам Конституция уже не в полной мере соответствует современным реалиям. Более того, появилась необходимость внести в этот документ новые положения, например, т.н. новые права человека: «право на благоприятную экологическую среду», «право на информацию», «право на приватность». Такая потребность напрямую связана с серьезными

переменами во внутривнутриполитической ситуации и настроениях в японском обществе, а также с глобальными и региональными изменениями в мире.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ КОНСТИТУЦИИ 1947 г.

Своеобразие и даже исключительность японской Конституции состоит в том, что ее проект был подготовлен в аппарате американского Штаба оккупационных войск под командованием генерала Д.Маккартура на основе его кратких письменных рекомендаций, включая положение об отказе от войны как суверенного права нации. График исполнения задания был предельно жестким: 3 февраля 1946 г. даны